

Читайте книги
Алисы Клевер – освежайте чувства!

Тетралогия

Полночь по парижскому времени

- Книга 1: Память тела
- Книга 2: Убийственная красота
- Книга 3: Женщина на одно утро
- Книга 4: Нежные языки пламени

АЛИСА КЛЕВЕР

НЕЖНЫЕ ЯЗЫКИ
ПЛАМЕНИ

Книга 4

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К48

Оформление серии *С. Груздева*

Клевер, Алиса.

К48 Нежные языки пламени : кн. 4 тетралогии / Алиса Клевер. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Полночь по парижскому времени).

ISBN 978-5-699-96363-8

Наконец-то для Даши Синицы весь ужас остался в прошлом. Теперь она спокойно может улететь из Парижа в Москву вместе со своим женихом Андре Робеном, чтобы проведать мать, которая лежит в больнице. Казалось бы, девушке остается планировать свадьбу и думать о совместном будущем с любимым. Но думать Даше приходится о другом. Громкий политический скандал и последующие события, развернувшиеся во Франции, явно имеют к ней какое-то отношение. Только вот пока Даша никак не может найти недостающие пазлы, чтобы собрать картинку целиком...

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-699-96363-8

© Клевер А., текст, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Все события, описанные в книге,
являются вымышленными.
Любое совпадение персонажей,
их имен, биографии с реальными людьми
является случайным и ненамеренным.*

«ШЕЗЛОНГ»

And the saddest thing
Is all of it could have been avoided...¹

Gotye, «Eyes Wide Open»

Просто удивительно, как из-за какой-то
мелочи наступает момент истины.

*Элизабет Страут,
«Меня зовут Люси Бартон»*

Подсознание не стреляет, как ружье;
оно дает возможность свинцовому отрав-
лению просачиваться в рассудок до тех
пор, пока не накопится его достаточно,
чтобы вызвать эмоциональные и нерв-
ные расстройства...

*Ирвинг Стоун,
«Страсти ума»*

Пресс-конференция была назначена на три часа
полудни, но уже в двенадцать стало ясно, что
это была плохая идея. Чтобы попасть в дом, Марко
пришлось раздобыть почтовый фургончик и на нем
заезжать с соседней улицы — дабы не попасться
раньше времени на глаза журналистов. Я вообще
никому не хотела попадаться, меня до сих пор не
покидало ощущение, что чьи-то глаза неотступно
следят за мной. Даже теперь, после смерти Одри.

¹ И самое грустное,
что всего этого можно было избежать.
Ютье, «Широко открытые глаза»

Может быть, особенно теперь, после того как ее не стало, мое чувство безопасности умерло вместе с ней. Кто знает, что еще случилось в прошлом? Кто может гарантировать мне, что ничего ужасного не случится в будущем?

— Ты должна успокоиться, — произнес Андре. — Это не стоит ни одного твоего лишнего вздоха.

— Я и так едва дышу, лишних вздохов у меня нет, — рассмеялась я, но смех был грустным, как бывает, когда вспоминаешь ошибки, совершенные в прошлом, и думаешь, что все могло быть иначе, но — нет, история в самом деле не имеет сослagательного наклонения. Охранник, посланный Марко нам в помощь, посмотрел в маленькое окошечко и обернулся, машина начала тормозить. Мы сидели на откидных сиденьях среди коробок, писем и пакетов, и все время, что мы ехали, я представляла себе, что может содержаться во всех этих запечатанных почтовых отправлениях. Любовные письма, подарки, уведомления о выигрыше в лотерее. Я понимала, что в большей части коробок — товары из онлайн-магазинов, столь популярных сегодня, но мне нравилось придумывать. Думать о чем угодно, но только не о том, что я сейчас официально стану главным персонажем местных газет. Моя мама была бы в восторге от такого поворота событий и не пряталась бы между коробок «Амазона». Она вошла бы с центрального входа, кивая толпе журналистов, как вдовствующая королева-мать. Но мама лежала в клинике, балансируя на грани жизни и смерти, и больше всего я хотела сейчас оказаться рядом с ней.

— Выходим быстро, нас уже ждут. Все обойдется, — заверил нас охранник Марко, а затем осторожно кивнул водителю. Я до сих пор не верила, что все это взаправду и что с той стороны старого дома, увитого виноградом, за забором из кованого металла собралась толпа.

С другой стороны, не они ли показали всему миру, как Андре доводит меня до оргазма у не завешенного портьерой окна в дешевой квартире безликой многоэтажки. Сколько людей отбросили журнал с моей фотографией с гримасой брезгливости, а сколько поднесли поближе и даже нацепили очки на нос, чтобы разглядеть поближе мое худое тело, вытянутое в струну. Момент, который должен был остаться только между мной и Андре, теперь стал частной собственностью Парижа. Почему бы им не хотеть большего? Возможно, Париж теперь рассчитывает на продолжение нашего романа. Город стоит за прутьями нашего забора. Он подсматривает в замочную скважину нашей двери. Нет, это не дверь квартиры Андре, не тот дом, где на лоджии Николь все так же поливает цветы из оранжевой лейки с длинным носиком. Мы пробирались в особняк Габриэль.

Почтовый фургончик остановился, и мы быстро зашли в дом с черного хода. Габриэль встретила нас на заднем дворе, провела через сад, оглядываясь на бежевые стены ее небольшого имения в центре Парижа.

— Они настолько плотно оккупировали главный въезд, что мой стилист еле прорвался. Я забыла сказать

ему, чтобы зашел с запасного входа, — пожаловалась мама Марко, кивнув мне коротко и невыразительно. Я не могла понять, рада она мне или ненавидит меня. Габриэль улыбалась так, что и то и другое было возможно.

— Сколько же их понабежало! — воскликнул Андре, взглянув через плотный тюль на главный вход в родовое гнездо семьи Де Моро.

— А чего ты хотел? — хмыкнула Габриэль. — Это только начало, многие приедут позже.

— Но мы же не всех пускаем? — спросила я. — Быть может, нам пообщаться с кем-то одним?

Марко и Габриэль переглянулись так, словно я сказала невообразимую глупость, но поправить меня или объяснить мне это не представляется возможным, как нельзя объяснить даже самой сообразительной мартышке устройство мобильного телефона. Может быть, во мне говорила неуверенность в себе, а может, я все себе напридумывала: и пренебрежительное отношение Габриэль, и Марко, который, кстати сказать, проявлял по отношению ко мне столь навязчивую, столь недвусмысленную заботу, будто был уверен в моей полной неспособности даже ходить самостоятельно.

Возможно, он был прав, но я от этого злилась не меньше.

Я хотела уехать, но мне не позволили этого сделать. Теперь же для меня подобрали одежду и сделали макияж, который мне совсем не нравился — он

был чрезмерным и определенно старил меня. Мои волосы распустили, нанеся какой-то бальзам, отчего они заблагоухали и заблестели, как чудесные локоны Одри. Запах был знакомым, так что вполне вероятно, что это было то же самое средство, которое она использовала раньше. Этот запах выбил меня из равновесия, и я начала протестовать против затеянного, цепляясь за каждую мелочь. Я не хотела надевать кольцо — мое настоящее обручальное кольцо с черным бриллиантом так и покоилось на дне пыльной комнаты с вещественными доказательствами. А надевать чужое украшение было странно и неприятно, к тому же это было дурной приметой. Я не хотела подвигать кончики моих темных волос, не хотела выглядеть «не хуже, чем Кейт Миддлтон». Андре молчал и хмурился, наблюдая за мной, и это тоже меня возмущало.

— Почему ты можешь идти просто так, как есть, а меня надо разукрашивать и наряжать? — спрашивала я, теребя край простого шелкового платья с неясным бирюзовым рисунком.

— Потому что его, моя дорогая, все уже видели миллион раз, — подошла ко мне Габриэль, держа в руках тонкий веревочный пояс. — Тебя, моя милая, напротив, никто еще толком и не видел... в одежде.

— Мама! — воскликнул Марко и посмотрел на меня, словно извиняясь, а Габриэль улыбнулась мне тепло и по-дружески.

— Скандальные фотографии — это не беда, если мы забросаем журналы другими, достойными и семейными. В конце концов нет ничего предосуди-

тельного в том, что Андре Робен занимался любовью со своей невестой, верно? Мы именно это и хотим показать, именно на этом поставить акцент.

— Если она будет Кейт Миддлтон, то Андре должен быть принцем Уильямом. Андре, тебе нужно побриться, у тебя слишком много волос на голове, — заявил Марко с самым серьезным лицом. Я рассмеялась и немного расслабилась. Габриэль кивнула с одобрением и протянула мне веревочный, свитый наподобие корабельного мини-каната поясок.

— Мы хотим, чтобы теперь все смогли увидеть настоящую Даша и чтобы такую ее знал весь Париж. Поэтому мы позволим всем этим писакам топтать наш газон и глазеть на нас.

— Меньше всего сейчас я чувствую себя настоящей. Никогда еще не примеряла такой образ, — пробормотала я, повязывая поясок. — Это не я, это не моя жизнь, я не смогу.

— Что ж, если ты не сможешь, газетчикам будет даже приятнее. Но ведь ты можешь хотя бы попытаться, дорогая. Почему нет? — сказала мне Габриэль, улыбаясь одновременно холодно и осуждающе, эдакой улыбкой мачехи из сказки. Я понимала, что не только я оказалась здесь в нелепой ситуации. Она тоже и в страшном сне не видела, что ее младший сын приведет в дом какую-то русскую, и не просто так, а в качестве невесты. А потом всем им придется отмываться от ушатов грязной воды, где смешались и ложь, и правда, и яд, и приторная сладость «перегретых» подробностей их личной жизни. Скандал в благородном семействе, смерть одной невесты,

появление другой — нагишом на обложке скандального издания, моя мама, впавшая в кому якобы после того, как над ней «поработал» мой Андре. Теплая песочного цвета шпаклевка старого дома трескалась и осыпалась под натиском сплетен.

— Я попытаюсь держаться естественно, — прошептала я, утратив весь свой гонор. Я представляла себе ее чувства и не хотела входить в эту семью вот так — через пресс-конференцию, созванную, чтобы отбелить мое имя.

— У тебя не может не получиться, посмотри, — сказала она, взяв меня за руку. Габриэль не отличалась ни высоким ростом, ни особенно яркой внешностью, но что-то неуловимо притягательное было в том, с каким достоинством и уверенностью она держалась, в идеальном сочетании цветов ее одежды и украшениях, в спокойствии ее голоса. Гармония и нежность картин Ренуара — вот какое она производила впечатление. Как же она нравилась мне, как хотела бы я так же естественно нести бремя имени — одного из знатнейших, старейших во Франции. Этот дом, в холле которого я стояла сейчас, — сколько поколений Де Моро он встречал в своих теплых, уютных стенах! Никакой броской роскоши, никаких попыток кому-то что-то доказать, он стоял тут, чтобы защитить своих обитателей, чтобы обнять их своими изогнутыми крыльями — западным и восточным.

Маленькие дети играли когда-то на полукруглом дворике, вымощенном квадратиками неровных камней, дети пили — пока никто из взрослых не видит —

прямо из чуть облупившегося в некоторых местах фонтана, из чьей чаши через края стекала чистая вода. Прятались в многочисленных комнатах, за портьерами разномастных окон — круглых, квадратных, прямоугольных и других, повторяющих контурами глубокую арку западного крыла. Влюбленные подростки прятались от назойливых глаз или дождя за полуколоннами в арке. Здесь можно было почувствовать много веков, проведенных людьми в поисках счастья и покоя. Песок времени осыпался со стен, зелень давала новые всходы, и голубизна неба была единой и неделимой, вечной. Может быть, и мои дети когда-то будут играть тут? Может быть, все, что случилось в прошлом, останется в прошлом? Теперь, когда Одри умерла, может быть, все можно начать заново? На моем пальце сияет прозрачный бриллиант, кольцо семьи Де Моро.

— Тебе нравится, как я выгляжу? Скажи, что ты тоже в ужасе! — обратилась я к Андре, оглянувшись на него, но мечтательная улыбка сползла с моих губ. Андре, задумчивый принц моего песочного замка, смотрел куда-то вдаль сквозь открытое окно, и я увидела, что мысли его горьки. — Что случилось?

— Их так много, — устало произнес он и прикоснулся ладонью к глазам, словно хотел скрыться, как маленький ребенок, считающий, что если он никого не видит, то никто не видит и его. Мечты рассеялись, меня втянуло в реальность, как в воронку торнадо. С улицы до нас доносились крики и шум. «Будущее неизвестно. Спросите позже». Андре вздрогнул и по-

смотрел на меня. Он не улыбался, но я видела, как что-то живое промелькнуло в его взгляде.

— Ты выглядишь скромницей, которая готовится расстаться с девственностью, — сказал он тихо, подойдя к зеркалу. Из отражения на меня смотрела вполне спокойная внешне (хотя это была только видимость) юная девушка достойной и даже приятной внешности. Никаких всклокоченных волос, никакой паники во взгляде. Нежное простое платье с неброским рисунком — крупные, но неяркие бирюзовые цветы. На ногах босоножки в цвет наряду, на шее — цвета слоновой кости изящное жемчужное ожерелье. В руках матери Андре я превратилась в глину, из которой слепили «что-то подходящее к случаю». Макияж, занявший столько времени, оказался совсем не ярким. Акцент был сделан лишь на глазах, для губ же подобрали естественный оттенок помады, под слоем которой не было видно, насколько они искусаны. Габриэль подошла ко мне и подала бежевый бархатный клатч.

— Что там? — спросила я.

— Ничего. Только пара носовых платков, мятные таблетки и капли от насморка.

— У меня нет насморка, — пробормотала я, тут же почувствовав, что говорю в нос. Господи, да я же для нее сплошное разочарование! Наверняка Габриэль сожалеет еще и о том, что мой французский не идеален. Славянка, подобранная непонятно где. Эти слова, которые, конечно, никто не произнес вслух, звенели в моей голове, а между тем мне нужно было как-то справиться с собой: выйти на каменный двор